

МОТИВАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ РАЗМНОЖЕНИЯ

М.Ю.Кичанов, КУ «Кировоградская областная психиатрическая больница», Кировоград

*“Любовь — это охота, в которой охотник должен
добиться, чтобы дичь преследовала его самого.”
Альфонс Керр*

Резюме. Мотивационно-структурный анализ поведения размножения у различных классов животных, в том числе и человека, приводит к выводу, что его реализующий механизм представляет собой видоспецифический компромисс между амбивалентными тенденциями к нападению (захвату) и бегству (избеганию), составляющими первичную, конфликтную основу поведения в целом.

Проведение комплексного анализа невербального поведения при пароксизмах (М.Ю.Кичанов, 1996) выявило, что в ходе пароксизмов, а особенно большого эпилептического припадка, оказываются задействованными врожденные предковые двигательные программы. И что они связаны с завершающей двигательной активностью в сфере пищевого и оборонительного инстинктов. Одновременно выяснилось, что попытки использовать для анализа пароксизмальной патологии элементы завершающей двигательной активности инстинкта размножения с позиций классического психоанализа практически не увенчались успехом. Это если не считать соответствие типологии пароксизмов у детей с поведением в перинатальном периоде в виде воспроизведения эмбриональных поз.

Между тем, в ходе разработки этограммы большого эпилептического припадка (М.Ю.Кичанов, 1997) были отчетливо зафиксированы поведенческие элементы в рамках завершающей двигательной активности инстинкта размножения с указанием на непонятность их появления в динамической структуре припадка. Поэтому возникает необходимость разобраться с неизвестными реализующими механизмами (В.П.Самохвалов, 1984) поведения размножения, чтобы в последующем получить возможность применять элементы завершающей двигательной активности инстинкта размножения для анализа пароксизмального регресса (М.Ю.Кичанов, 1996).

Для этого, с позиций ортодоксального американского бихевиоризма — школы, которая *"пытается исключить из своей методики непосредственное наблюдение животных"* (К.Лоренц, 1994:104), предлагается проведение мотивационного и структурного анализа поведения размножения предковых форм животных. Главная задача исследования: выяснить основные эволюционные закономерности формирования поведения размножения и у человека.

Не имея возможности исследовать поведение размножения у всех предковых форм, что невозможно ввиду их бесконечности, ограничимся исследованием поведения размножения некоторых видов рыб, амфибий, рептилий и млекопитающих. Перед началом исследования оговоримся, что термин эпилепсия — **схватывание, схватываю, неожиданно быть схваченным, внезапно падать, наступать, овладеть, взять** (М.Ю.Кичанов, 1996), — будет применяться в аналитическом смысле, то есть шире его обычного содержания, обозначающего определенную нервно-психическую болезнь.

Для выработки позиций, с которых необходимо исследовать поведение размножения предковых форм животных, обратимся к Р.Хайнду (1975:396-398), изучавшему конфликт между ухаживанием и угрозой у различных классов животных: *"...имеются многочисленные данные, позволяющие утверждать, что все разнообразие угрожающего поведения и поведения ухаживания можно понять, исходя из предположения о существовании небольшого числа амбивалентных [одновременно существующих, противоположных, взаимоисключающих — прим. авт.] поведенческих тенденций."* Об этом пишет и Р.Шовен (1972:39): *"В некоторых случаях поведение при ухаживании может выглядеть как конфликт не двух, а трех мотиваций: стремления поиска партнера, к нападению на него и к бегству."*

Исходя из того, что все поведение у животных тесно связано с конфликтами или агонистическим поведением, мы получаем возможность рассмотреть поведение размножения предковых форм в системе **агрессор — жертва** (М.Ю.Кичанов, 1996), с акцентированием внимания на танце зигзага, описанном Ян ван Йерселем (цит. по К.Лоренц, 1994) при проведении мотивационного анализа поведения размножения у самцов колюшки. *"Ван Йерсель заметил, что*

замечательный танец зигзага, который половозрелые самцы, имеющие свой участок, исполняют перед каждой проплывающей мимо самкой, и который поэтому до тех пор считался просто "ухаживанием", — от случая к случаю выглядит совершенно по-разному. Оказалось, что иногда сильнее подчеркнут "зиг" в сторону самки, а иногда "заг" прочь от нее" (К.Лоренц, 1994:112). Из этих наблюдений было заключено, что "зиг" в сторону самки мотивируется агрессивным инстинктом, а "заг" в сторону гнезда — сексуальным.

Данное заключение весьма сомнительно и нуждается в тщательной проверке потому, что совершенно непонятно выделение К.Лоренцем, да и многими другими, в качестве самостоятельной единицы некоего агрессивного инстинкта, никак не увязанного с морфологией мозга. Главным здесь является вопрос, что именно побуждает самца проявлять агрессию не избирательно, а ко всем подряд проплывающим мимо самкам и что побуждает самку не трусливо сбежать, а парадоксально увлекаться за агрессивно нападающим самцом, что почему-то трактуется уже как проявление сексуального инстинкта.

Следует отметить, что детальные проявления поведения размножения у рыб — это недостаточно исследованная тема, потому, что вода не является естественной средой обитания взрослого человека, а это крайне затрудняет длительные наблюдения в естественных условиях (не беспокойтесь, автор данной статьи — подводный охотник с 20-ти летним стажем ныряния). Аквариумные же наблюдения не могут воспроизвести в полном объеме структуру биома, что может значительно исказить результаты исследований, а следовательно необходима осторожность при трактовке таких результатов.

Поэтому легче провести исследование описаний поведения размножения сухопутных животных в естественных условиях, чтобы после выявления основных закономерностей вернуться к мотивационному и структурному анализу танца зигзага у колюшек. С целью выявления основных закономерностей поведения размножения рассмотрим примеры.

"Жабы, например, часто путают пол партнеров, а иногда наносят ущерб рыбному хозяйству, так как душат карпов, с которыми они пытаются спариваться, держа их за жаберные крышки. Впрочем, может быть, мы сталкиваемся здесь с какой-то формой ненаправленной активности или со слишком сильной половой потребностью" (Р.Шовен, 1972:358).

Такие грубые ошибки наблюдаются не только у самцов амфибий, но и у самок, о чем пишет все тот же Р.Шовен (1972:53): *"Сближение с половым партнером или даже некоторые особенности окружающей среды стимулируют многочисленные нейро-гуморальные механизмы. Например, у амфибий откладка яиц не происходит спонтанно: нужно, чтобы самец предварительно **обхватил** самку сзади. Оказалось, что самца можно легко заменить самой обычной резинкой, стягивающей бока самки (Нобль и Аронсон, 1942). Самки, только что отметавшие икру, или самки, не содержащие ее вовсе, приходят в состояние готовности к икрометанию, если их **обхватит** очень активный самец."* К этому остается добавить, что описан случай, *"когда в сырую дождливую погоду жабы приняли дорогу, блестящую в лунном свете, за воду и начали усердно откладывать икру прямо на асфальт"* (Е.М.Писанец, 1990:31).

Все это, конечно, свидетельствует о крайне низких дифференциальных возможностях ЦНС амфибий, но вот необходимость **обхватывания** как у самцов, так и у самок, откровенно бросается в глаза. И на этом делает акцент Д.Дьюсбери (1981:244): *"Особенно наглядным примером организации рефлексов, связанных с копулятивным поведением позвоночных, служит **обнимательный** рефлекс у самцов *Xenopus laevis* (Hatchison, Poynton 1963). Во время спаривания лягушки принимают положение **охвата**, при котором самец плотно **обнимает** самку за туловище и остается в такой позе от 10 до 30 часов."*

Думается, что дело везде вовсе не в ненаправленной активности или слишком сильной половой потребности, а во вполне направленном и всегда достаточно сильном стремлении к нападению на потенциальный пищевой объект и **схватыванию** жертвы. Дело в том, что при появлении в поле зрения лягушки любого движущегося объекта ее мозг прежде всего реагирует на движение и только во вторую очередь на размеры и форму объекта (Р.Шовен, 1972; Л.Л.Стишковская, 1988; М.Ю.Кичанов, 1996). Такое предположение о появлении в структуре поведения размножения элементов завершающей двигательной активности пищевого инстинкта, неразрывно связанного с агрессией, нуждается в тщательной проверке для чего рассмотрим новые примеры, но уже исследуя поведение размножения рептилий.

"Перед спариванием у этих полозов (эскулапова змея) наблюдаются своеобразные игры, —

пишет А.Г.Банников (1985:239), — *Самец долго преследует уползающую самку и, догнав, обвивается вокруг тела, после чего обе змеи еще долго могут довольно быстро двигаться вместе. Затем они одновременно поднимают вертикально вверх передние части тела и, разведя в стороны головы, застывают на месте, образуя фигуру, напоминающую лиру."*

Практически аналогично описывается поведение ужей: *"Спариванию ужей нередко предшествуют своеобразные брачные игры, во время которых самец долго преследует самку и в конце концов тесно **перевивается** с ней всем телом. Во время спаривания самец часто **удерживает** самку, **хватая** ее челюстями за шею"* (А.Г.Банников, 1985:282).

В обоих описаниях (да и в любых других) вполне отчетливо проявляется и преследование жертвы и схватывание ее за предпочтительные места, что подчеркивалось при исследовании агрессивного пищевого и оборонительного поведения у рептилий (М.Ю.Кичанов, 1996). Обратим особое внимание на шею как предпочтительное место схватывания при удовлетворении пищевого инстинкта когда жертва погибает быстрее всего из-за повреждения сосудисто-нервного пучка, перелома шейных позвонков, разрыва трахеи и где главная цель агрессора — как можно быстрее обездвижить жертву и тем самым прекратить сопротивление. Какова же цель схватывания за шею при ухаживании?

По данным В.И.Здравомыслова, З.Е.Анисимовой, С.С.Либиха (1994) шея — это одна из выраженных эрогенных зон (эрогенный показатель — 1,06), следовательно она у человека является источником удовольствия такой силы, что наступает релаксация, при которой сопротивление оказывается минимальным. То есть поцелуй или эволюционно трансформированный укус в шею, фактически, преследует цель обездвиживания жертвы и прекращения ее сопротивления.

То же можно говорить и о так называемом "кошачьем месте" у женщин между лопатками у основания шеи, которое тоже является мощной эрогенной зоной и называется так потому, что *"самцы всех видов кошек (кошки, рыси, львы, тигры) во время полового акта крепко держат самку зубами за это место"* (В.И.Здравомыслов, З.Е.Анисимова, С.Либих, 1994:57). Аналогичную картину можно легко наблюдать при спаривании и у лягушек, и у кур, и у крупного рогатого скота, и у многих других млекопитающих (собственные наблюдения), не являющихся хищниками, что говорит об универсальности данного механизма.

Можно уверенно утверждать, что эрогенный механизм "кошачьего места" тоже преследует целью удержание и обездвиживание партнера (жертвы) и реализуется через механизмы пищевого инстинкта. Ведь хватка зубами между лопатками при охоте за жертвой мгновенно вызывает блокирование плечевого пояса, тем самым выключая из борьбы наиболее опасные передние конечности и шею, поворачивающую голову, вооруженную зубами, не давая возможности двигаться и оказывать сопротивление. Идентичные причинно-следственные связи можно установить и для любой другой эрогенной зоны в теснейшей связи с механизмами реализации пищевого инстинкта.

Перейдем к следующему описанию: *"...весной в период размножения, оживленно бегающие самцы (обыкновенная или прыткая ящерица) часто приподнимаются на передних ногах и оглядываются по сторонам. Заметив издали самку, самец сейчас же начинает ее преследовать и, **настигая**, после нескольких неудачных попыток **хватает** ее за хвост. Самка сейчас же останавливается, причем хвост ее начинает быстро извиваться. Далее самец, не выпуская хвоста изо рта, начинает медленно подвигать голову вверх к его основанию, пока наконец не **схватит** самку за бок, впереди задних лап. Когда это достигнуто, он одним резким движением изгибает тело, и происходит спаривание."*

*При встречах друг с другом самцы приподнимаются на вытянутых ногах, сильно сжимают с боков переднюю часть тела и начинают медленно, боком сближаться. Иногда один из них, очевидно более слабый, не выдерживает и обращается в бегство. Однако чаще между самцами происходят ожесточенные схватки. Каждый противник старается **схватить** соперника за шею и перевернуть на спину, что достигается резким боковым движением головы. Поверженный самец лежит на спине обычно лишь несколько мгновений, в следующую секунду он встает на ноги и стремительно обращается в бегство, а победитель, не довольствуясь одержанной победой, пускается его преследовать. Однако чаще сражения между самцами кончаются тем, что один из них попадает раскрытой челюстью в пасть другого и оба они в полном исступлении с закрытыми глазами катаются по земле, пока наконец более слабый из них не вырвется и не убежит"* (А.Г.Банников, 1985:225).

Вышеприведенное описание чрезвычайно интересно для анализа. Здесь мы последовательно встречаемся с агрессивно-предупредительными, агрессивно-конфликтными и агрессивно-

контактными элементами невербального поведения (М.А.Дерягина, М.Л.Бутовская, 1983).

Характерна поза угрозы в виде приподнимания на передних вытянутых ногах и увеличения размеров тела, что особенно заметно при боковом сближении (агрессивно-предупредительные элементы), подобие которому описал К.Лоренц (1994:116) у рыб как *"демонстрация развернутого бока"*. Сближаясь, вероятно с элементами яктации, в которой легко, но только в вертикальной плоскости, угадывается подобие *"танцу зигзага"* у рыб, противники оказывают друг на друга визуальное двигательное давление (М.Ю.Кичанов, 1996) такой силы, что один из них не выдерживает уже на этом этапе схватки и обращается в бегство (агрессивно-конфликтные элементы) и что совершенно четко описывает Д.Эттенборо (1988:102) у летающих ящериц: *"Стоит появиться чужаку, как владелец участка взмывает в воздух и опускается на сук возле соперника. И начинается яростная демонстрация: ящерица топырит горловой мешок и мотает им, пока наконец у непрошеного гостя не сдадут нервы и он, отбежав по ветке, не уплывает по воздуху прочь."*

И, наконец, сама схватка в анализируемом эпизоде полностью воспроизводит все элементы агрессивного пищевого и оборонительного поведения при условии равенства сил (агрессивно-контактные элементы).

Но это то, что касается конфликтов между самцами в период размножения. Гораздо интереснее проанализировать поведение самца и самки. Представляется весьма сомнительным тезис о том, что самец замечает издали именно самку. Даже человеческий многоступенчатый, высокодифференцированный, воспринимающий в объеме и цвете зрительный анализатор не способен совершенно безошибочно и в одно мгновение определить пол другого человека на расстоянии.

На скорость распознавания повлияют и уровень освещенности, и выраженность признаков полового диморфизма (что у рептилий как раз и не выражено), и длительность пребывания в поле зрения распознаваемого объекта, и много других факторов, на перечисление которых незачем тратить время. Поэтому более вероятно, что самец замечает издали не самку, а движущийся объект, нуждающийся в опознании, на которое, в свою очередь, всегда необходимо какое-то время. Таким образом, мотивом для преследования скорее всего является не пол будущего партнера, а его появление в поле зрения и перемещение, что мгновенно включает всегда направленное и достаточно сильное стремление к нападению на движущийся пищевой объект (М.Ю.Кичанов, 1996). Но уже в ходе преследования и схватывания жертвы появляется время на ее опознание, которое происходит в виде определенного для каждого вида ритуала.

И что же это за ритуал? В исследуемом описании схваченная за хвост самка останавливается, а застывание — это неплохая защита, включающая у агрессора *"специальные физиологические механизмы поведения, которые тормозят опасные движения при атаке"* (К.Лоренц, 1994:119), когда агрессор склонен нападать именно на движущиеся объекты. Двигается только хвост. Извиваясь, он имитирует агонию, выражая таким образом позу подчинения. С другой стороны хвост — это резонансный аналог стремительно атакующего вибрирующего языка (М.Ю.Кичанов, 1996), несущего смертельную опасность, а это является дополнительным фактором сдерживания агрессора. Здесь же начинает играть сдерживающую роль и видоспецифический запах (М.Стоддарт, 1993; К.Лоренц, 1994). Все это вместе заставляет самца заместить пищевую агрессивность на половую в ходе которой продолжается удержание самки за предпочтительные места схватывания.

В вышеприведенную схему не укладывается поведение самки, мгновенно убегающей от самца, хотя влекомая пищевым инстинктом, она должна была бы устремиться навстречу. Такому несоответствию можно дать много объяснений, например: самка могла быть сыта; недоверие наблюдения; самка могла быть чрезмерно пуглива; самец мог значительно превышать размеры самки и т.д.

Чтобы устранить несоответствие, приведем еще одно описание А.Г.Банникова (1985:229): *"Спаривание змееголовок начинается с конца апреля и длится почти весь май и июнь. Заметив друг друга сравнительно далеко — за 2-3 метра, ящерицы сейчас же устремляются навстречу, но не добежав всего нескольких сантиметров, резко останавливаются. Затем обе они, приподняв на вытянутых ногах переднюю часть тела, начинают размеренно "кланяться", почти вертикально поднимая и быстро опуская голову (кстати, по А.В.Снежневскому (1983) и В.А.Карлову (1990), одной из форм младенческого спазма являются именно кивки и клевки — прим.авт.). Если таким образом встретились два самца, то уже после двух-трех "поклонов" они неожиданно поднимаются на четырех вытянутых ногах, затем отскакивают в стороны и разбегаются. В случае же если одна из них окажется самкой, то, прекратив "поклоны", она обращается в бегство, преследуемая самцом,*

который пытается схватить ее за хвост. Описанное поведение служит для распознавания особей своего вида, причем роль сигнала выполняет при этом ярко-белое горло ящерицы, которое то появляется, то исчезает при каждом наклоне, интервал между которыми различен у самцов и самок."

Учитывая малые размеры ящериц относительно величины взаимного расстояния, наличие маскировочной окраски, низкие дифференциальные возможности зрительного анализатора, отсутствие выраженного полового диморфизма, можно вполне определенно заключить, что разнополые ящерицы устремляются друг к другу, влекомые не полем будущего партнера, а движением неопознанного объекта, немедленно включающим механизм пищевой агрессии, при этом опознание начинается уже в ходе сближения, завершаясь все тем же двигательным ритуалом с элементами яктации-"зигзага" и визуального двигательного давления.

Обратим внимание на мигающее с определенной частотой белое горло ящериц за чем непосредственно следует сцена настигания со схватыванием за хвост. Известно, что в период рабовладения судорожную (читай — **схватывающую**) готовность определяли с помощью вращающегося с определенной частотой перед глазами при ярком свете колеса телеги. Поскольку пароксизмы воспроизводят филогенетически древние предковые формы поведения (М.Ю.Кичанов, 1996; 1996а; 1997), то подобная ассоциация между частотами мигания горла и колеса вряд ли неправомочна.

Таким образом, при ухаживании и копуляции у предковых форм мы постоянно встречаемся с амбивалентными тенденциями к нападению и бегству или проявлениями агрессивного пищевого и оборонительного поведения, приводящими в результате взаимодействия к некоему компромиссу в виде формирования видоспецифического полового поведения.

Разумеется, всю сложность факторов, включающих поведение размножения, нельзя объяснить только взаимными поведенческими особенностями самца и самки. Играть роль и средовые циклические ритмологические факторы, обеспечивающие изменение общего уровня реагирования ЦНС всех без исключения биологических объектов, и экологическое окружение, и возраст самца и самки, от которых зависит опытность (К.Л.Лоренц, 1994) в более быстром распознавании партнера и способность соблюдать все "правила игры" при ухаживании.

В этом смысле интересны эксперименты по выращиванию в изоляции от сверстников крысят, щенков, макаков-резусов, которые впоследствии оказываются неспособными к нормальному копулятивному поведению, что не поддается коррекции и в дальнейшем (И.С.Кон, 1988; А.Лангане, Б.Пеллегрини, Э.Полони, 1993). Оказывается, что для осуществления нормального копулятивного поведения необходима некоторая первичная половая социализация в ходе игр со сверстниками.

Но во что же играют детеныши абсолютно всех животных? Да в нападение со схватыванием и в бегство. Именно здесь и вырабатываются различные видоспецифические позы угрозы и подчинения. Таким образом, половое поведение отчетливо связано с обучением и не является наследуемым, а предполагает усвоение свойственной данному виду социосексуальной матрицы, целиком основанной на различной сумме поведенческих элементов из агрессивного пищевого и не менее агрессивного оборонительного поведения.

Что касается возможных сомнений в наследуемости агрессивного пищевого поведения и силы пищевого влечения, приведем лишь один пример из жизни рыб: *"У акул еще не рожденные дети в чреве матери пожирают друг друга: у живородящих акул-сельдевых, например, и песчаных; — повидимому, и у мако, которых, впрочем, считают яйцеживородящими, но пожирание эмбрионами яиц и у них практикуется"* (И.И.Акимускин, 1989:278). Интересно упомянуть и о взаимоотношениях пищевого поведения и поведения размножения, например, у нильских крокодилов, которые сперва вполне трогательно переносят в зубах свое едва вылупившееся из яиц потомство к воде и почти два месяца его охраняют от других хищников (Д.Эттенборо, 1984). А затем, *"при сильном голоде нападают на свою же мелкую братию и беспощадно пожирают. Ко всем животным, которых нельзя поймать и съесть, они относятся равнодушно"* (А.Э.Брэм, 1931:485).

Милые детеныши оказываются живыми консервами. Это впечатляет! С этим созвучно наблюдение К.Лоренца (1994:124), описавшего случай, когда *"самолет Люфтганзы, сбившись в тумане с курса, низко пролетел над фермой чернобурых лисиц и из-за этого все самки, которые недавно оценились, возбуждись, сожрали своих щенков."*

Оба упомянутых наблюдения достаточно ярко характеризуют крайнюю слабость тормозных механизмов пищевой агрессии, через которые формируется поведение размножения. И если с поведением нильских крокодилов все более или менее понятно, голод — непреодолимое влечение.

Так как отказ от еды по любым мотивам приведет к непреодолимому самопожиранию организма. То на поведении ошестинившихся чернобурых лисиц нужно задержаться.

Совершенно очевидно, что низко пролетевший самолет своим агрессивным ревом вызвал развитие крайней степени испуга у самок, что должно было в естественных условиях породить мощное паническое бегство, типологически соответствующее фуге. Но из клетки бегство невозможно, поэтому контрагрессия смещается в сторону активной обороны, которая для предковых животных ничем не отличается от агрессивного пищевого поведения, которое, при невозможности реализации в прямом направлении — на ревуший самолет, немедленно переадресовывается на третий, замещающий объект (А.Н.Корнетов, В.П.Самохвалов, А.А.Коробов, Н.А.Корнетов, 1990) — детенышей, когда можно вполне обоснованно говорить о наличии признаков закона сохранения и превращения агрессии.

У людей дела обстоят не лучше, когда резонирующие врожденные голод и страх приводят к разрушению тончайших сдерживающих приобретенных механизмов так называемой любви и привязанности, что приводит к пожиранию отцами и матерями своих детей. Яркий тому пример — голод 1932-1933 года на Украине. И не только 32-33-го, и не только на Украине.

Из всего изложенного следует, что психоаналитики фрейдистского толка, строя умозаключения на исследовании якобы являющегося основным полового инстинкта, опираясь на явления вторичного порядка и оперируя фаллической символикой, непрерывно впадают во множество ошибок, что вполне естественно и последовательно заводит в тупик, где и застрял классический психоанализ. Ведь любое существо, если бы оно умело говорить как взрослые люди, едва родившись, закричало бы не: "Секса!", а резонирующее: "Дайте поесть!" или "Спасите!". До секса, а точнее до половой зрелости, еще нужно дорасти, все время спасаясь и что-нибудь или кого-нибудь поедая.

Между прочим, основатель пансексуализма З.Фрейд, в свое время, бросил академическую работу в Вене и перешел работать в клинику вовсе не в поисках сексуальных приключений, а в силу материальных затруднений, всегда связанных с необходимостью кормить семью. Таким образом, пищевое влечение и его удовлетворение с целью самосохранения индивидуума или ЭГО вполне объективно выходят на первый план и оказываются тем фундаментом, опираясь на который можно прийти не только к пониманию сущности пароксизмальной патологии, поведения размножения, но и к пониманию сущности поведения вообще, имея в виду и поведение здоровых лиц, и вербальное поведение, и даже поведение неорганических объектов, что легко можно продемонстрировать на примере атома углерода, без малейшего преувеличения являющегося главной структурной частью белковых полимеров, а, следовательно, и основой всего живого на планете Земля, да и не только на ней.

Известно, что в относительно стабильном состоянии углерод имеет ядро и шесть электронов, четыре из которых попарно вращаются на внешних орбитах, осуществляя взаимодействие с другими атомами, то есть имеет четыре валентности. Чрезмерное сближение с любым агрессивным атомом или молекулой (читай — нарушение комплекса территории) немедленно порождает нарушение стабильности углерода, приводя к возбуждению внешнего электронного уровня, имеющего два электрона, мгновенно осуществляющих **захват** и обобществление электронов соседа, без чего невозможно сохранение стабильности, хотя и в новой, вторичной форме.

Но в окружении бесконечного множества других агрессивных атомов и молекул этого оказывается недостаточно и для полного сохранения стабильности к захвату подключаются еще два электрона 2S₂-уровня. При этом, когда в процесс вовлекается большое количество атомов углерода, выстраивающихся в цепочку, появляется практически бесконечная способность к умножению (размножению) разнообразия форм или видов полимеров. И опять способность к умножению форм хотя и находится в диалектическом единстве с **захватом** и самосохранением стабильности, но все равно оказывается вторичной с точки зрения первичных и однотипных механизмов обеспечения захвата-сохранения.

Таким образом, анализ даже на атомарном уровне приводит к выводу о вторичности механизмов поведения размножения. Кроме того, становится достаточно понятным, что причины человеческой агрессивности или потребности в **захвате** и самосохранении необходимо искать не в "божьих наказаниях" или "искалеченных душах", а в свойствах Материи, являющейся структурной основой всегда агрессивной среды, частью которой неразрывно является человек (М.Ю.Кичанов, 1995), а поэтому и все законы, действительные для среды, будут справедливыми и для человека, сколько бы он этому ни сопротивлялся, выдумывая подобных себе ничтожных "божков".

Остается добавить, что классический психоанализ ставит на первое место именно оральную фазу онтогенетического развития и лишь на четвертое место — генитальную, продолжая тут же упорно переворачивать все вверх ногами, выдвигая на первое место половой инстинкт и фаллическую символику, когда в реальности основными являются даже не пищевой или оборонительный инстинкты, а инстинкт жизни как таковой где жизнь — это миг бытия в промежутке между бесконечностью небытия до зачатия и после смерти. Все остальное — это его составные части, реализующиеся в зависимости от конкретной ситуации, либо совместно, резонируя.

Для иллюстрации изложенного предлагается очень краткая ревизия анализа фобии пятилетнего мальчика Ганса (З.Фрейд, 1990), структура которой сводится к Эдипову и кастрационному комплексу. При анализе Фрейдом придается недостаточно значения упавшей и пытающейся подняться лошади, которая своими движениями и ржанием фактически имитировала припадок, а значит невольно осуществила невербальную агрессию в виде визуального двигательного давления сложными иннатами пищевого и агонального поведения на филогенетически древние подкорковые структуры ЦНС пятилетнего ребенка, реагирующие на движения. В результате развился испуг (З.Фрейд, 1992), более красочно и правильно называемый на Украине "пэрэляк" или свержиспуг (пэрэ + ляк), спроецировавшийся на вполне понятный и доминирующий в данном возрасте интерес к собственным гениталиям и идентифицировался с ними, сформировав кастрационный комплекс. Внешне появляется картина сексуальных нарушений, но на самом деле это патология в сфере инстинкта самосохранения, подвергнувшегося суровому испытанию:

"Я (Фрейд): "Почему же ты так испугался?"

"Ганс: "Потому, что лошадь делала ногами так (ложится на землю и начинает барахтаться)" (цит. по З.Фрейд, 1990:64).

Кстати, рассказывая об этом страшном зрелище, мальчик смеялся. В этой связи необходимо указать на данные И.С.Кона (1988:99), писавшего: *"Этнографы и литературоведы, изучавшие так называемую смеховую культуру (В.Я.Пропп, О.М.Фрейденберг, М.М.Бахтин и др.) обратили внимание на то, что и в фольклоре, и в древних ритуалах существует тесная связь между смехом и сексуальностью. Смех выступает как жизнедатель, очистительное живородящее начало, противоположное смерти. ...Что смешного в детородном органе или замещающих его символах (например кукише)? Тем не менее их показ обычно вызывает смех."*

Исследуя невербальную локомоторику формирования кукиша, можно легко заметить, что в вертикальной плоскости она слагается из сворачивания всех пальцев в кулак, что уже само по себе является агрессивно-предупредительным элементом невербального поведения. При этом указательный и средний палец раздвигаются, имитируя агрессивную пасть, затем сквозь них прорывается как правило вибрирующий и достаточно длинный большой палец, вполне отчетливо имитируя демонстрацию языка (tongue out the tongue), что можно квалифицировать уже как агрессивно-конфликтные элементы невербального поведения, особенно учитывая одновременное резкое выдвижение всей руки вперед.

При таком подходе становится понятным, что смех или эволюционно трансформированная форма оскала зубов с элементами широкого открывания рта, демонстрацией языка, жевательных движений в ответ на изначально далеко не сексуальный кукиш, отдаленно кажущийся таковым лишь в горизонтальной плоскости, выступает в качестве невербального поведения в рамках реализации инстинкта самосохранения, выражая закон Талиона: зуб за зуб — оскал на оскал.

Связь же между смехом и сексуальностью опять оказывается вторичной, эволюционно более поздней и характерной практически только для человека и некоторых высших приматов, да и у тех с натяжкой. И неудивительно, что в системе **агрессор - жертва** смех становится живородящим началом, противоположным смерти. Теперь становится понятным и, казалось бы, неадекватный смех мальчика Ганса при рассказе о собственном свержиспуге. В данном случае речь идет об активной самообороне от своих же воспоминаний, но только в эволюционно трансформированной форме.

Таким образом, не отвергая целиком, а дополняя теорию классического психоанализа и комплексно взаимодействуя с ней, можно не только глубже понять сущность происходящего, но и прийти к совершенно новым выводам. Дополним, что мальчик Ганс, судя по описанию, чрезмерно чутко реагировал именно на движение, скорость движения, ускорение, направление движения, форму и размеры движущегося объекта, что очень характерно для амфибий и рептилий, а значит и для тех подкорковых отделов головного мозга человека, которые по своим функциональным возможностям соответствуют мозгу все тех же амфибий и рептилий.

Между тем у детей в формировании поведения главенствующую роль играют именно подкорковые, врожденные структуры, а не формирующаяся в процессе миелинизации кора. И все это началось после того как ребенок увидел и тут же запомнил, а значит запечатлел визуальную невербальную агрессию. А это говорит о том, что произошел импринтинг или быстрое запечатление (В.П.Самохвалов, 1984), точнее впечатывание (Д.Дьюсбери, 1981) и не где-то, а в формирующихся височных долях коры головного мозга, которая *"играет важную роль в запечатлевании, причем образующиеся "записи" служат для хранения этого опыта в памяти"* (У.Пенфилд, Г.Джаспер, 1958:110), а опыт скажется на формировании поведения и в дальнейшем.

Все это позволяет говорить не об абстрактном "подсознании", а о реальных механизмах долговременной памяти, имеющих не только в височных долях, но и в подкорковых структурах, хотя и в меньших объемах в виде "распределенной матрицы памяти" по Д.В.Колесову (1991).

Продолжая вопрос о соотношении пищевого инстинкта и инстинкта размножения, необходимо коротко рассмотреть эволюцию половых органов и органов, связанных с поеданием, но наоборот, "сверху-вниз". Если у людей визуально фиксируемые первичные и вторичные половые признаки, в зависимости от возраста и конституции, так или иначе выражены, то у приматов нужно присмотреться, чтобы определить пол. У остальных млекопитающих (микрогруппу домашних животных не учитываем) различить самца и самку тем сложнее, чем проще организация животного.

У рептилий, хотя и есть копулятивные органы, даже парные у самцов *Anolis carolinensis* (Д.Дьюсбери, 1981), но они появляются наружу лишь к моменту спаривания. Чтобы различить визуальными признаками пола у амфибий и рыб, нужно быть хорошо обученным, опытным специалистом, так как у этих классов животных половой диморфизм фактически сводится к элементам окраски, различным кожным выростам, размерам самца и самки, видоспецифическому запаху, акустике. А если вспомнить таких рыб как губаны, доминирующая самка у которых, при гибели самца, возглавлявшего "гарем", за несколько суток трансформируется в самца и оплодотворяет своих же бывших "товарок" (Т.С.Расс, 1971), то понятие пола вообще становится совершенно аморфным, размытым и туманным, когда полностью теряются ориентиры: "Кто есть кто?"

Ведь даже люди научились менять пол самым радикальным образом, но кто попытается заменить функцию ЖКТ и на что? У целой плеяды беспозвоночных визуальными признаками определить пол без тончайших инструментальных исследований вообще невозможно. И, наконец, у простейших, органом бесполого размножения является собственно ядро клетки или ядерная ДНК, представляющая собой химическую молекулу — полимер, а роль сперматозоида начинают, видимо, выполнять химические вещества, поступающие с пищей либо появляющиеся в обменных внутриклеточных процессах и являющиеся триггерами деления ДНК. Таким образом, визуальными признаками половой диморфизм при движении "сверху-вниз" исчезает уже на первых этапах исследования, постепенно приобретая самые разнообразные и вычурные, с точки зрения человека, формы.

Например, разрежем червяка пополам и, вскоре, мы получим два полноценных, вполне идентичных с точки зрения индивидуальной хромосомной ДНК и одновременности разреза-зачатия, червяка-близнеца. Это половое размножение или бесполое? Кто-то, быть может, скажет — одна из форм бесполого. Но червяк-то и не собирался размножаться, и удвоение или умножение индивидуума произошло за счет механизмов самосохранения. Тебя уничтожают, но от этого тебя становится еще больше. Феноменально!

Но что же органы питания? В частности рот. У человека он весь на виду. У млекопитающих нет щек — уже пасть. У рептилий, особенно ископаемых — огромная пасть. У амфибий пасть — это значительная часть тела, что И.И.Акимовский (1989:402) описывает очень красочно: *"Рогатая жаба и без имитации выглядит жутковато. Над глазами у нее рога (вытянутое острием верхнее веко). На спине бородавчатые гребни. Больше трети всей длины — голова! И во всю ее ширину — пасть. Когда рогатка переходит в нападение, ее челюсти действуют, как стальной капкан! Хватает лягушек, ящериц и мышей так, что их тельце расплющивается в тонкую пластинку"* (а что происходит с различными предметами, попадающими в рот эпилептика во время тонической фазы?).

У рыб, особенно имея в виду хищных, пасть — не менее значительная часть тела, да еще и неразрывно объединенная с функцией насыщения кислородом, без которого длительное активное существование индивидуума вообще весьма затруднительно. Ископаемый мезозойский тридцатиметровый кархародон (семейство акулых), имел пасть, вооруженную зубами величиной до 15м и в которой, как в микроавтобусе, может разместиться до восьми человек (И.И.Акимовский,

1974). Ничего более крупного палеонтологами до сих пор не найдено. У беспозвоночных пасть по-прежнему значительная и неотъемлемая часть тела, становящаяся всем телом, например у губок.

И, наконец, у простейших, допустим амёбы, функцию пасти выполняет клеточная мембрана, образующая псевдоподии для захвата пищи с последующим образованием пищеварительной вакуоли из клеточной же мембраны. Они же, псевдоподии, являются и органами бегства при возникшей опасности. И, главное, рот или пасть всегда впереди, на острие жизни индивидуума, а не сзади (за редким исключением) или внутри, под прикрытием, как органы размножения. И сколько индивидуумов, все время что-нибудь или кого-нибудь поедая, от чего-то или кого-то спасаясь, так или иначе погибло вообще не достигнув половой зрелости, когда органы размножения за всю жизнь так и остались невостребованными?

Но что же человеческий социум? Археологические раскопки обнаруживают на всех древних стоянках человека груды костей съеденных животных, в том числе людей, остатки посуды, оружия, укреплений, но никто не обнаруживает груды остатков сексуальных атрибутов. Отказ от коллективного принятия пищи часто расценивается как обида и признак враждебности и, наоборот, приглашение к групповому сексу — не меньшая обида во многих культурах. В современном мире практически на самом видном месте продуктовые торговые точки, а заведения для удовлетворения половой потребности напоказ не выставляются. Приблизительно определять будущий пол ребенка научились уже на третьи сутки развития эмбриона (М-Л.Амьель, 1993), мысль же определять наличие функции желудочно-кишечного тракта даже не приходит никому в голову ибо ее появление само собой разумеется независимо от пола.

Приговоренный к пожизненному заключению в тюрьму человек, в принципе, может обойтись без секса, по крайней мере интенсивного и полноценного, а сколько времени он же обойдется без питания? Евнухи и кастрированные; женщины с экстирпацией влагалища, матки, маточных труб, резекцией молочных желез живут достаточно долго и продуктивно, но сколько может прожить мужчина либо женщина с удаленным тонким кишечником, без печени, без поджелудочной железы?

И, в конце концов, семявыносящие протоки и придатки яичка в процессе эмбриогенеза у самцов формируются из вольфовых протоков, производных выделительной системы, а у самок половые протоки развиваются из мюллеровых каналов — производных все той же выделительной системы (Н.Аббас, К.Бишоп, М.Феллу, 1993), то есть безусловно вторично. При таких подходах говорить о главенстве инстинкта размножения и секса в формировании мотиваций поведения личности просто невозможно.

Все сказанное приводит к выводу, что по мере уменьшения размеров, теперь уже "снизу-вверх", всегда и везде существующей пасти и передачи ее агрессивной, схватывающей функции преимущественно к верхним конечностям, параллельно, но со значительным отставанием, происходит появление и развитие визуально фиксируемых первичных и вторичных половых признаков с передачей к ним невостребованной, остаточной агрессивной функции трансформирующихся пищевых органов, что безусловно сопровождается трансформацией функций в структурах ЦНС и тоже со значительным отставанием.

При этом происходит все более заметное расщепление на мужские и женские гениталии, когда роль атакующего языка, вырывающегося из пасти, эволюционно переходит к половому члену, вздымающемуся в промежности, а роль пасти переходит к женским гениталиям, имеющим хоть и рудиментарный, но половой член — клитор, он же — "бывший язык" или орган вкуса, связанный с механизмами пищевого удовлетворения. Такая трансформация хорошо видна на примере лягушки Хохштеттера, когда у самцов копулятивный орган развивается на месте бывшего хвоста (И.И.Акимовский, 1974), который у ее предков рыб выполнял функцию движителя агрессивной пасти и функцию органа бегства при необходимости самосохранения.

Все это позволяет говорить не о накоплении абстрактного агрессивного инстинкта, как это утверждал К.Лоренц (1994), а о накоплении избыточных реальных агрессивных механизмов завершающей двигательной активности при реализации неизменного пищевого влечения, часто остающихся невостребованными, а потому реализующихся по другим каналам, в том числе трансформируясь и во вторичные формы сексуальной агрессии.

Так мы приходим к пониманию мифологизированного образа женских гениталий, символизирующих *"таинственное начало, таящее в себе опасность и угрозу смерти"* (И.С.Кон, 1988:97) и к пониманию древнего образа *"vagina dentata" — "зубастое лоно", сквозь которое должен пройти иницируемый; иногда его заменяет какое-то ужасное чудовище"* (И.С.Кон, 1988:97). Иначе говоря, иницируемый или посвящаемый в таинство любви, с помощью зубастого лона,

эквивалентного чудовищу, должен пройти через опасную борьбу и преодоление таинства страха угрозы собственной смерти в его пасти, а преодолев самый мощный страх из всех возможных, избавиться от страха перед возможной неудачей в первом в жизни половом акте. Вот почему "зубастое лоно" эквивалентно чудовищу.

С этим коррелируют описанные Э.Берном (1990:54) сексуальные образы, возникающие у мужчин: *"Так один врач-акушер... обнаружил с большим удивлением, что Ребенок в нем по-прежнему представляет себе влагалище как огромную, темную бездонную пещеру, в которой может потеряться его пенис, и даже все его тело. В другом случае мужчина представлял себе узкий проход, полный колючек, которых должен сторониться каждый, кто туда попадет."* Характерны и образы, возникающие у дикарей: *"Индейцы кайяпа, живущие в Эквадоре, образно говорят, что в половом акте влагалище "съедает" половой член"* (И.С.Кон, 1988:97).

Итак, мы получаем третий, альтернативный резонирующим "языку" и "хвосту" (М.Ю.Кичанов, 1996), аналитический резонирующий символ: "Зубастая пасть — пещера". Теперь можно говорить о формировании конфликтной символики в системе **агрессор — жертва** и обозначить все это как элементы конфликтного анализа поведения с помощью которого можно попытаться определить некоторые мотивационные компоненты в сексуальном поведении мужчин и женщин.

Так, например, Э.Берн (1990:97), изучая механизмы "заведенности", довольно справедливо утверждал, что *"есть мужчины, которые "заводятся" посредством женской груди, и мужчины, которые "заводятся", глядя на женские ножки: "мужчины груди" и "мужчины ног", как они деликатно себя называют."* Что касается "мужчин груди", то еще D.Morgis (1968) показал, что пышные формы женской груди возникли как результат эволюционного повторения форм ягодиц при появлении у высших приматов и первобытного человека позы лицом к лицу при коитусе.

Он считает, что произошло простое копирование тазовой области как места расположения гениталий, что при взгляде мужчины на грудь с близко расположенными красными губами, якобы повторяющими формы больших срамных губ, стимулирует сексуальное возбуждение. Врядли это полностью справедливо.

Попробуем мысленно привести развитую женскую грудь, действительно идеально имитирующую ягодицы, в активное ДВИЖЕНИЕ. Мгновенно формируется знаменитый цыганский танец груди в сочетании с различными попеременными движениями рук, когда плечевой сустав слегка выше груди. Совершенно очевидно, что при взгляде со спины тазобедренный сустав тоже находится чуть выше свисающих ягодиц. То есть в цыганском танце груди и рук практически точно воспроизводится филогенетически древняя локомоторика ягодиц и ног при бегстве от агрессора, который, несомненно, эту локомоторику в ходе преследования наблюдает и она усиливает у него стремление к настиганию пищевого объекта и его схватыванию или овладению.

Таким образом, у "мужчин груди" стремление к овладению партнершей включается все теми же мотивациями в сфере пищевого инстинкта, но опосредованно, через имитативные пищевые анатомо-поведенческие комплексы. С "мужчинами ног" все гораздо проще. Стремление к овладению включается без посредников, непосредственно танцем убегающих ягодиц и бедер.

Однако это не все. Танец груди и рук, возникший как имитативный анатомо-поведенческий комплекс, повторяющий танец убегающих ягодиц и бедер, повидимому еще на заре развития человечества оказывается задействованным преимущественно в сексуальных играх, то есть происходит, как всегда вторичная, сексуализация танца груди. Затем, в последние тысячелетия, во многих культурах складывается новая ситуация, когда сексуально привлекательной оказывается женщина, обладающая тонкой осиной талией, что особенно бросается в глаза при взгляде сзади. Если учесть, что над вторично сексуализированными грудью и плечами возвышается тонкая шея при взгляде спереди, то вернувшись ко взгляду со спины, мы заметим, что осиная талия, возвышающаяся над крыльями широкого таза со свисающими ягодицами, оказывается имитатором всегда влекущей к себе шеи, о причинах привлекательности которой говорилось выше.

Таким образом, круг замыкается: танец ягодиц и бедер вначале смещается сзади вперед и вверх, откуда, вторично сексуализировавшись, возвращается снова назад и вниз, опять вторично (и даже уже третично) сексуализируя все тот же танец ягодиц и бедер. При этом возникает ситуация, когда первичный агрессивно-оборонительный поведенческий комплекс танца ягодиц и бедер практически идеально совпадает с возвратным вторично-сексуализированным имитативным поведенческим комплексом танца груди.

Неизбежно происходит их синхронизация и резонанс, что приводит к резкому усилению специфической энергии действия (В.П.Самохвалов, 1984) и визуального двигательного давления

(М.Ю.Кичанов, 1996) вновь сформированного анатомо-поведенческого комплекса на наблюдателя-мужчину. В результате женщина с осиной талией становится в глазах мужчины многократно, как и положено при резонансе, привлекательнее, давая возможность установить наличие резонансных анатомо-поведенческих комплексов не только при патологии, как это было показано на примере большого эпилептического припадка (М.Ю.Кичанов, 1996), но и у психически здоровых лиц, в данном случае при поведении размножения.

Что касается красных губ, якобы имитирующих срамные губы женщины, то это утверждение D.Morris совершенно не выдерживает критики. Во-первых, срамные губы, как и все половые органы, возникали на вторичной основе и правильнее говорить, что именно они копируют форму пасти или рта, а не наоборот. Во-вторых, красный цвет губ — это прежде всего цвет крови, активно пробуждающий филогенетически древний аппетит, реализуемый переадресовкой в сексуальную агрессию только при наличии достаточного количества тормозящих пищевую агрессию механизмов, отсутствие которых немедленно породит кровавый садизм, некрофилию как сексуальные извращения или любую другую форму агрессии, приводящую к убийству (яркий тому пример — маньяк Чикотило), стремление к которому абсолютно всегда есть конечная цель пищевого влечения, присущего абсолютно всем.

Но это не все. Приближаясь с определенными намерениями к декольтированной женщине, можно легко заметить, как ее грудь начинает ритмично, с определенной частотой, вздыматься из-за мгновенно развивающейся одышки вследствие волнения, порожденного вторжением в ее индивидуальную критическую зону (К.Лоренц, 1994) и неизвестностью дальнейшего. В этих движениях груди, когда она вздымается и ниспадает, визуальнo то приближаясь, то удаляясь, улавливаются эволюционно трансформированные элементы танца "зигзага" (свойственного не только колюшкам) при поведении размножения, создающего амбивалентную ситуацию "стой там — иди сюда" и пробуждающую у партнера аналогичные амбивалентные мотивации к стремлению напасть и овладеть или отступить.

Однако и это не все поведенческие функции женской груди. Так, у современной женщины она прикрыта одеждой. Но в первобытном жарком доледниковом лесу одежды не было по причине отсутствия надобности. И в окружении значительно превосходящих численностью плотоядных хищников для слабой праженщины возникала необходимость в выработке невербальных и автоматически действующих методов защиты от нападения, о включении которых не нужно задумываться и которые всегда с собой. И в условиях, когда постоянно нападали охотившиеся плотоядные хищники, мыслящие не речью, а невербальной **"картинкой"**, такие механизмы появились.

Так, если отбросить поэтический речевой понятийный аппарат, связанный с женской грудью и посмотреть на нее просто как на визуальные контуры, то окажется, что сферической формой, в центре которой расположен круглый пигментированный сосок, грудь подобна двум выпуклым глазам со зрачками в центре. **Грудастые глаза** — вот как это можно определить объемно и лаконично.

Казалось бы, сравнение чрезмерно отвлеченное, но по данным А.Н.Корнетова, В.П.Самохвалова, А.А.Коробова, Н.А.Корнетова (1990:23) для того, *"чтобы у новорожденного вызвать улыбку, не обязательно демонстрировать ему лицо. В первые месяцы жизни лишь две точки независимо от их расположения (вертикально или горизонтально) могут вызвать комплекс фиксированных движений улыбки. Позже, к 3-4 мес., улыбка возникает при горизонтальном расположении точек. Таким образом, точки, являющиеся моделью глаз, фактически являются релизером "улыбки"*.

Между тем онтогенез повторяет филогенез, следовательно, как дети реагируют улыбкой-оскалом на две точки, так и предковые животные должны были на них реагировать чрезвычайно интенсивно. Поэтому, любой плотоядный хищник, увидевший самку предчеловека, реально, слабым зрительным анализатором, различал две пары горизонтальных черных точек: маленькие зрачки и большие соски. И тут срабатывают врожденные рефлекторные реакции от предковых для всех хищников амфибий: на маленькое нападаем, от большого удираем.

Поскольку в поле зрения одновременно попадает две пары разновеликих "грудастых глаз", то возникает мгновенная растерянность-раздвоенность, на преодоление которой нужно время, а пауза в поведении хищника давала возможность первобытной женщине его заметить и подготовиться к бегству или контрагрессии. Адаптивная ценность такой анатомической конструкции груди очевидна — повышается способность к выживанию в экстремальной ситуации, а значит и увеличению плодовитости за счет простого повышения продолжительности жизни.

Но мыслящий "картинкой" охотящийся плотоядный хищник видит не только две пары черных точек-"глаз". Он видит и все тело во фронтальной проекции. При этом "трио" — глаза, нос и рот, обрамленное пухлыми (худыми) щеками, оказывается подобным другому "трио" — грудь, пупок и лобок, обрамленному пухлым (соответственно худым) животом. И тогда второе "трио" имитирует в увеличенных размерах общую визуальную схему лицевой части. И это поразительное сходство общей схемы лица и туловища изобразил еще в 1934 г. художник Ренэ Магрит на картине "Похищение", а художники обладают ярко выраженным именно образным мышлением (или мышлением "картинкой"). В результате можно зафиксировать появление второго, после "двойных точек", анатомического защитного комплекса, сдерживающего внезапность агрессии — "двойное лицо".

Теперь посмотрим на обнаженную женщину сбоку (например, справа). Мысленно поделив туловище пополам, внизу мы увидим, что стопы ног направлены вправо, стреловидный изгиб колена — вправо, ягодицы — влево. Вверху "картинка" прямо противоположная: грудь, имитирующая ягодицы — вправо, стреловидный изгиб локтей, не отличающихся от изгиба ног — влево, кисти рук, подобные стопам — влево, что создает схематическую картину двух амбивалентных близнецов в одном облике.

Кстати, резко повернутые назад кисти очень характерны и для приматов, особенно шимпанзе и гиббонов. Для мыслящего "картинкой" плотоядного хищника, которому нужно быстро спрогнозировать наиболее вероятное направление движения жертвы для коррекции точности броска, складывается практически неразрешимая задача. Ведь половина туловища движется в одну сторону, а другая, идентичная по схеме, — прямо в противоположную.

Подобную физиологическую иллюзию иногда можно наблюдать при движении автомобиля, когда автомобиль едет вперед, но при этом кажется, будто его колеса вращаются назад. Такая невербальная иллюзорная система "**тяни-толкай**" немедленно приводит наблюдающего хищника в состояние растерянности, опять давая человеку время на подготовку.

Кроме того, наблюдение за киносъёмками ритуальных охотничьих танцев, совершаемых теми или иными дикарями как правило в "кольце", показало, что в ходе пританцовывания все участники ритуала ритмически приседают, а именно в момент приседания особенно четко видно противоположно направленное сгибание локтей и колен.

Таким образом, в ритуальном охотничьем танце скорее всего выражается сгибающий в эмбриональную защитную позу колени и локти страх, развивающийся при появлении опасного хищника, которого нужно тем же анатомо-поведенческим комплексом обескуражить и, с помощью все того же анатомо-поведенческого комплекса приготовиться к бегству, ведь стремительный спасительный старт для панического бегства наиболее выгоден из положения полусидя, а не стоя. Впрочем, из этого же положения выгодно не только бежать, но и нападать, резко отталкиваясь полусогнутыми ногами.

Кстати, приседание или припадание к земле всегда предшествует нападению или бегству и, только зная это, можно понять агрессивно-оборонительную биологическую сущность народно-медицинского термина "припадок". Резюмируя, можно утверждать, что один и тот же вышеуказанный анатомо-поведенческий комплекс **ОДНОВРЕМЕННО** выполняет как минимум сразу три разнонаправленные адаптивные функции в борьбе за выживание.

И не зря рассказы многих охотников изобилуют описаниями внезапной растерянности хищников при виде человека, что вполне соответствует данным В.П.Самохвалова (1993:66): "*человек по верованиям меланезийских дикарей имеет "много мана" или некой магической силы.*" Отвергнув мистику, с наличием огромной невербальной агрессивной мощи человеческого облика можно согласиться. Попутно становится понятно, зачем в области молочных желез у женщин имеется огромное количество подкожно-жировой клетчатки, никак полезно не связанной с кормлением детенышей. Оказывается за счет клетчатки, изменяющей контуры тела, слабая женщина блефует перед лицом мощного противника, в том числе и перед любым мужчиной, имитативные анатомо-поведенческие комплексы которого практически аналогичны женским вышеописанным, но в области груди основанным на реальной силе и развитости грудных мышц, а не клетчатки.

Мужчина имеет и еще одно "мана". На "втором лице", там где лобок, половой член непрерывно имитирует демонстрацию языка, как символ защитной угрозы: "Не трогай меня — иначе съем!" (М.Ю.Кичанов, 1996). И не отсюда ли, из-за отсутствия одного из видов откровенно наступательного "оружия", та самая женская зависть к половому члену, многократно воспетая К.Хорни (1993) при анализе женской психологии?

В связи с изложенным может возникнуть возражение, уходящее корнями еще к Ч.Дарвину и состоящее в том, что человек, дескать, произошел от обезьяны, следовательно предчеловек был покрыт шерстью. А, значит, все описанные анатомо-поведенческие комплексы из под шерсти работать не могли. Ответ прост. Утверждение о происхождении человека от обезьяны — есть грубая ошибка, порождающая массу заблуждений. На самом деле предчеловек произошел непосредственно от безшерстных и прямоходящих рептилий, подобных печально известному тиранозавру, что мгновенно определяет возраст человечества порядка 60 млн. лет, когда истоки человечества необходимо искать в мезозое. И доказательства этому будут представлены, но это еще одна огромная отдельная тема.

Сделав такое отступление от основной темы, можно добавить, что еще один защитный женский анатомо-поведенческий комплекс ("мана") в рамках поведения размножения проявляется во время беременности, когда, с одной стороны, женщина оказывается чрезвычайно неповоротливой и уязвимой из-за резкого увеличения живота. Но, с другой стороны, резкое увеличение живота придает ему сферическую форму, где пупок оказывается точно на вершине. А это опять повторяет общую схему глаза со зрачком в центре, но в резко увеличенных размерах. Между тем, глаз или глаза (сколько бы их ни было) — это наиболее агрессивный анатомический, да еще и действующий дистанционно, орган тела (М.Ю.Кичанов, 1997а). Не даром, ведь, многие психически больные в ужасе заявляют: "Меня сглазили!", за чем обычно следует целый "пакет" бредовых идей, где звучат и "ведьмы", и "ворожки", и гадалки", и "экстрасенсы", и "гипнотизеры", и многое, многое другое подобное.

И последнее. Увеличенный живот беременной самым простейшим образом резко увеличивает женщину в размерах, что само по себе является фактором, сдерживающим агрессию, например, мужскую, когда почти любой мужчина становится с беременной мягок и обходителен. И дело не столько в воспитании (воспитателей тоже что-то воспитывало), сколько во врожденных безусловно-рефлекторных филогенетически древних реакциях на размеры и форму любого объекта. Иными словами, можно говорить, что беременная женщина, сама того не осмысливая, сохраняет себя и свой плод тем, что демонстрирует окружающим свое распухшее брюшко, всем своим видом включая у них механизмы сдерживания потенциальной агрессии.

Теперь можно вернуться к исследованию "танца зигзага" у колюшек, с которого начато данное исследование. Подробно К.Лоренц (1994:112) описывает его следующим образом: *"В одном из предельных случаев самец при виде плывущей мимо самки быстро подплывает к ней, тормозит, разворачивается — особенно если самка тотчас подставит ему свое распухшее брюшко — и плывет назад к входу в гнездо, которое затем показывает самке посредством определенной церемонии (ложась плоско на бок). В другом предельном случае, особенно частом если самка еще не совсем готова к нересту, за первым "зигом" вообще не следует никакого "зага", а вместо того — нападение на самку."*

Заметно, что торможение самца, разогнавшегося при появлении движущегося объекта, осуществляется после демонстрации пухлого, следовательно увеличивающего размеры, брюшка, что несомненно является агрессивно-предупредительным элементом невербального поведения. Разворот самца мгновенно уменьшает его размеры в глазах самки, включая у нее механизмы пищевого реагирования и преследования, которое прекращается при приближении к убежищу самца: гнезду — "пещере" — "пасти". Торможение самки усиливается и демонстрацией самцом развернутого бока, когда он ложится, но положение лежа — есть поза подчинения и самка, не смотря на массу сдерживающих механизмов, все-таки увлекается в гнездо.

Таким образом, данная поведенческая конструкция полностью состоит из непрерывной смены одних и тех же конфликтных элементов невербального поведения с нападением, бегством, активной демонстрацией предупреждающих завершения агрессии поз, в которых принимают участие и элементы ландшафта (в данном случае гнездо), вследствие чего происходит торможение пищевой агрессии и предотвращение развития агрессивно-контактных элементов невербального поведения. За счет этого калейдоскопа конфликтных элементов формируется поведение, внешне складывающееся в поведение ухаживания, как одной из форм поведения размножения.

Во втором случае, когда самка еще не готова к нересту, а значит имеет недостаточно распухшее брюшко, она, даже если бы захотела, не может сформировать достаточное количество тормозных механизмов. Результатом является агрессивное нападение на самку. Адаптивная ценность такого калейдоскопа конфликтов предельно ясна. При недостатке конфликтных элементов неготовая к нересту самка изгоняется. Полный "комплект" конфликтных механизмов увлекает самку в гнездо,

где произойдет спаривание и появление потомства, избежать конфликтов которому никогда не удастся, как и его предшественникам.

Подитоживая исследование, можно вполне достоверно заключить, что понятие инстинкта или влечения, требующего удовлетворения, основано на непрерывном стремлении к захвату и его избеганию. Реализующий механизм невербального поведения размножения всегда формируется вторично на основе конфликтных элементов невербального поведения в сфере завершающей двигательной активности удовлетворения пищевого (захват) и оборонительного (избегание) инстинктов. Сформированное за счет калейдоскопа конфликтных механизмов торможения агрессии и убийства поведение размножения всегда представляет собой некий видоспецифический компромисс между амбивалентными тенденциями к нападению и бегству.

Таким образом, результаты мотивационно-структурного анализа поведения размножения совпадают с известной философской традицией, *"идущей от Гоббса и Руссо до Леви-Стросса и объясняющей возникновение человеческого общества "общественным договором", основанным на взаимных уступках"* (М.Годелье, 1993:120).

Окончено в 1997 г.

Опубликовано в журнале: *Таврический журнал психиатрии V.15,3 (56), 2011, Крымская ассоциация психиатров, психотерапевтов и психологов, Симферополь, стр.62 – стр.75.*

Литература.

1. Аббас Н., Бишоп К., Феллу М. (1993) Генетическое определение пола. В книге Пол, секс, человек. Мир, Москва.
2. Акимушкин И.И. (1974) Мир животных. Молодая гвардия, Москва.
3. Акимушкин И.И. (1989) Мир животных (птицы, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся). изд. 2-е, Мысль, Москва.
4. Амьель М-Л. (1993) Выбор пола по желанию. в книге Пол, секс, человек, Мир, Москва.
5. Банников А.Г. (1985) Жизнь животных, т.5. Просвещение, Москва.
6. Берн Э. (1990) Секс в человеческой любви. ИКС, Москва.
7. Брэм А.Э. (1931) Жизнь животных. т.1 в переработке В.И.Язвицкого и М.А.Гремяцкого, Москва.
8. Годелье М. (1993) Секс, родство и власть. В книге Пол, секс, человек. Мир, Москва.
9. Дерягина М.А., Бутовская М.Л. (1983) Об этологическом подходе в изучении агрессивного поведения обезьян. Биологические науки N7.
10. Дьюсбери Д. (1981) Поведение животных, сравнительные аспекты. Мир, Москва.
11. Здравомыслов В.И., Анисимова З.Е., Либих С.С. (1994) Функциональная женская сексопатология. ТОО Репринт, Пермь.
12. Карлов В.А. (1990) Эпилепсия. Медицина, Москва.
13. Кичанов М.Ю. (1995) Аналогии канонических текстов Бытия и эволюционной теории. Acta psychiatrica tavrca, v.2, N4, КРАППП, Симферополь.
14. Кичанов М.Ю. (1996) Комплексный анализ невербального поведения при пароксизмах. Acta psychiatrica tavrca, N5, КРАППП, Симферополь.
15. Кичанов М.Ю. (1996а) Этологический подход к проблемам эпилепсии. 1-я Международная конференция Украинской противозпилептической лиги, Киев.
16. Кичанов М.Ю. (1997) Этограмма, матричное структурирование и некоторые патогенетические механизмы большого эпилептического припадка. Acta psychiatrica tavrca, v.4, N7, КРАППП, Симферополь.
17. Кичанов М.Ю. (1997а) Эволюционные истоки "сглаза". В журнале Актуальні питання неврології, психіатрії та наркології, Вінниця.
18. Колесов Д.В. (1991) Эволюция психики и природа наркотизма. Педагогика, Москва.
19. Кон И.С. (1988) Введение в сексологию. Мир, Москва.
20. Корнетов А.Н., Самохвалов В.П., Коробов А.А., Корнетов Н.А. (1990) Этология в психиатрии. Здоровья, Киев.
21. Лангане А., Пеллегрини Б., Полони Э. (1993) Человек-результат полового процесса. В книге Пол, секс, человек, Мир, Москва.
22. Лоренц К. (1994) Агрессия. Прогресс-Универс, Москва.
23. Пенфилд У., Джаспер Г. (1958) Эпилепсия и функциональная анатомия головного мозга человека. Издательство иностранной литературы, Москва.
24. Писанец Е.М. (1990) Знакомтесь: амфибии и рептилии. Наукова думка, Киев.

25. Расс Т.С. (1971) Жизнь животных. т.4, ч.1. Просвещение, Москва.
26. Самохвалов В.П. (1984) Этологический метод и психиатрия. журнал им.С.С.Корсакова, т.LXXXLY, в.2. Медицина, Москва.
27. Самохвалов В.П. (1993) Эволюционная психиатрия. ИМИС-НПФ, Лтд. Движение, Симферополь.
28. Снежневский А.В. (1983) Руководство по психиатрии. т.1;2. Медицина, Москва.
29. Стишковская Л.Л. (1988) Вечные странники. Жизнь амфибий как она есть. Знание, Москва.
30. Стодарт М. (1993) Химия любви. в книге Пол, секс, человек, Мир, Москва.
31. Фрейд З. (1990) Психология бессознательного. Просвещение, Москва.
32. Фрейд З. (1992) По ту сторону принципа удовольствия. Прогресс-Литература, Москва.
33. Хайнд Р. (1975) Поведение животных. Мир, Москва.
34. Хорни К. (1993) Женская психология. Восточно-европейский институт психоанализа, С.-П.
35. Шовен Р. (1972) Поведение животных. Мир, Москва.
36. Эттенборо Д. (1984) Жизнь на земле. Мир, Москва.
37. Эттенборо Д. (1988) Живая планета. Мир, Москва.
38. Morris D. (1968) The Naked Ape. N.Y.

Рене Магритт. Похищение.